

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.4>

УДК 811.161.1'42

ББК 81.411.2-5

ДОКУМЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ¹

Анна Михайловна Плотникова

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
просп. Ленина, 51, 620083 г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы интерпретации документного текста, вовлеченного в юридический конфликт. Характеризуются возможности семантического и синтаксического анализа документа, поскольку судебная лингвистическая экспертиза документа основана на установлении объема и содержания понятия, выражаемого словом или словосочетанием, употребленным в тексте. Наибольшую трудность в интерпретации и разночтения вызывают служебные слова (предлоги и союзы), специфика значения которых не всегда последовательно отражена в словарях и грамматиках. Показано, что при выявлении смысла фрагментов документного текста в ряде случаев семантический и синтаксический анализы должны дополняться коммуникативно-прагматическим анализом, поскольку интенция автора в документах, особенно в документах личного характера, может быть выражена имплицитно. Особое внимание в статье уделяется коллизиям между юридическим и лингвистическим пониманием правильности толкования документного текста. Охарактеризованы причины, приводящие к затруднениям в применении идентификационных методов, лежащих в основе автороведческой экспертизы: высокая формализация и наличие устойчивых жанровых и типологических признаков документного текста. На примерах из судебной практики показаны возможности решения вопроса о том, составлены ли документы одним лицом или разными лицами.

Ключевые слова: документный текст, лингвистическая экспертиза, автороведческая экспертиза, семантика, прагматика.

В поле зрения судебных экспертов документный текст оказывается в связи с возможностью его неоднозначного толкования, возникающей в силу несоблюдения требований, предъявляемых к официально-деловой коммуникации, в частности требований к таким коммуникативным качествам речи, как ясность, логичность, точность.

В отличие от тех категорий дел, которые связаны преимущественно с конфликтной

коммуникацией (дела об оскорблении, защите чести и достоинства, о противодействии экстремизму и терроризму) и в которых лингвист с опорой на значение сказанного устанавливает коммуникативную цель говорящего или пишущего, задача исследования документного текста, на первый взгляд, оказывается более простой. Лингвист оценивает то, что сказано в тексте, характеризует все возможные интерпретации сказанного и с опорой

на лингвистическую методологию либо устанавливает единственно верный вариант толкования, либо фиксирует допустимость вариативных толкований. Однако и здесь эксперт сталкивается с трудностями, обусловленными взаимодействием правовой и лингвистической сфер, спецификой документного текста и методов анализа.

Причиной различий в интерпретации документного текста часто является неверное понимание адресантом или адресатом лексического значения слова, а следовательно, востребованным становится анализ семантики языковой единицы. Отметим, что экспертиза документного текста не ограничивается только лингвистической составляющей. Параллельно с лингвистической экспертизой иногда проводится правовое (юридическое) исследование документа, которое зачастую исходит из принципов прецедентности и предполагает обращение к судебной практике по аналогичным категориям дел, хотя этот критерий далеко не всегда применим. Например, обращение к судебной практике может стать иллюстрацией различий в способах толкования предлога *до*, используемого для характеристики временного предела. Рассматривая значение этого предлога, М. Эпштейн приводит следующий пример с комментарием: «*До вторника вы меня не застанете*». Дело в том, что предлог «до» не указывает, проходит ли временная граница по началу или по концу дня. Такова мистика этого русского предлога: он не различает начала и конца того временного промежутка, на который указывает. Поэтому можно истолковывать «до вторника» в любом благоприятном смысле: до начала вторника или до конца вторника. Ведь вторник, как и любой день, имеет начало и конец, поэтому «до вторника» может относиться и к полночи с понедельника на вторник, и к полночи со вторника на среду» [5].

В документах официально-делового стиля для обозначения сроков используются обычно более точные показатели, например, наречие *включительно*. В спорных случаях юристы ориентируются на сложившуюся практику или соответствующие документы, касающиеся той или иной категории дел, в которых могут быть прописаны временные пределы, в частности, таким способом: *срок,*

определенный календарной датой, оканчивается в день, непосредственно предшествующий указанной в исполнительном документе дате.

При использовании предлога *до* в сочетаниях с единицами измерения также может возникнуть спорная ситуация. Например, в практике лингвистической экспертизы был случай неоднозначной интерпретации ограничительного предлога *до* в контексте *Огнетушащая способность переносного устройства пожаротушения, работающего в стандартном режиме, должна быть ... до 20000 В*. С лингвистических позиций возможна единственная интерпретация приведенного фрагмента: сочетание количественного числительного с названием единицы измерения обозначает верхнюю границу пределов колебания какой-либо величины, которая включается в диапазон указанных величин.

Фактором, провоцирующим различия в толкованиях документов, является семантика параметрических слов, характеризующихся градуальностью значений. Например, перед экспертом ставится вопрос о толковании слова *изменение* в контексте *Общая цена Помещения, подлежащая уплате, указанная в настоящем Договоре, является окончательной и подлежит изменению только в случае изменения фактической площади Помещения более чем на 10 % от указанной в настоящем Договоре, на основании обмеров БТИ*. В высказывании устанавливается взаимозависимость между изменением цены и изменением площади, однако не конкретизируется направление изменения. В соответствии с лексическими и синтаксическими нормами русского языка высказывание нужно интерпретировать следующим образом: изменение цены возможно как в случае увеличения, так и в случае уменьшения площади более чем на 10 %, поэтому использование гиперонима *изменение* представляется в данном тексте вполне оправданным.

Причиной коммуникативной неудачи может стать синонимизация лексических единиц, обнаруженная в официально-деловых текстах. Например, перед экспертом ставится вопрос о разграничении значений слов *комплектация* и *опция* в связи с тем, что в тексте договора было написано о предоставлении «дополни-

тельной комплектации» к приобретаемому автомобилю, а в рекламном буклете речь шла о «дополнительных опциях». Проведенный лингвистический анализ этих единиц показал, что в русском языке они не синонимичны. Слово *опция*, как свидетельствуют контексты из современной публицистики, используется для обозначения какой-либо технической возможности того или иного устройства, обычно не конкретного предмета, в отличие от слова *комплектация*, называющего совокупность предметов. Не являются абсолютными синонимами также слова *штат* и *персонал*, значения которых стали предметом судебного спора: если штат – это постоянный состав работников какого-либо предприятия, то персонал – лица, профессионально связанные с каким-то конкретным видом деятельности.

Помимо семантического анализа, применяемого для установления лексического значения слова, в судебной практике используется синтаксический анализ. Перед экспертом ставятся вопросы, связанные с правилами синтаксической связи, типами синтаксических отношений, возникающих между частями предложения. В большинстве случаев такой анализ предполагает характеристику формальной организации предложения.

Обратимся к анализу конкретного примера – пункта 14 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе», согласно которому *допускается осуществление закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) печатных изданий или электронных изданий определенных авторов у издателей таких изданий в случае, если указанным издателям принадлежат исключительные права или исключительные лицензии на использование таких изданий, а также оказание услуг по предоставлению доступа к таким электронным изданиям для обеспечения деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений, государственных и муниципальных библиотек, государственных научных организаций.*

Перед экспертом был поставлен вопрос: к какой ситуации относится уточнение *для обеспечения деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений, государственных и муници-*

пальных библиотек, государственных научных организаций – только к оказанию услуг по предоставлению доступа к таким электронным изданиям либо ко всем случаям закупки у единственного поставщика, предусмотренным пунктом 14 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ?

В результате синтаксического анализа высказывания установлено, что конструкция, начинающаяся с предлога *для* и находящаяся в постпозиции по отношению ко всему предложению, реализует значение цели и относится ко всему предложению, выполняя при этом детерминантную функцию. Напомним, что, согласно данным Русской грамматики, на основе соединения союза *а* с конкретизаторами образуются союзные соединения, которые оформляют значение факультативного присоединения [4, с. 622].

Данный вывод не совпал с правовым толкованием, согласно которому конструкция *для обеспечения деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений, государственных и муниципальных библиотек, государственных научных организаций* относится только ко второй части, вводимой союзом *а также*. Подтверждая свой вывод, юристы обращаются к судебной практике, приводя примеры, которые нельзя признать аналогичными синтаксическими конструкциями. Так, Верховный суд Российской Федерации в Определении от 13.01.2003 по делу № 14-Г02-35, разрешая спор, связанный с толкованием фразы *в третью очередь – объектов недвижимого имущества, а также сырья и материалов, станков, оборудования, других основных средств, предназначенных для непосредственного участия в производстве*, резюмировал: «Из изложенной нормы следует, что объекты недвижимости вне зависимости от их участия в основном производстве относятся к третьей очереди <...>. При перечислении имущества третьей очереди законодатель использовал союз “а также”, распространяя тем самым непосредственное участие в производстве лишь на сырье, материалы, станки, оборудование, другие основные средства, но не на объекты недвижимости».

Рассматривая дело, касающееся интерпретации части 2 статьи 19 Закона № 314-ФЗ

(Проектная декларация публикуется застройщиком в средствах массовой информации и (или) размещается в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования не позднее чем за четырнадцать дней до дня заключения застройщиком договора с первым участником долевого строительства, а также представляется в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним), Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в Постановлении от 10.07.2009 по делу № А19-3065/09 указал: «Буквальное текстуальное толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что этот срок установлен законодателем применительно к обязанности застройщика опубликовать проектную декларацию в средствах массовой информации не позднее чем за четырнадцать дней до дня заключения застройщиком договора с первым участником долевого строительства. Использование законодателем союза *а также* не означает распространение установленного в отношении опубликования проектной декларации 14-дневного срока в том числе и на обязанность застройщика по представлению ее в контролирующий орган». В данном случае такое толкование может быть объяснено и грамматически: указание на срок *не позднее чем за 14 дней* соотносится с одним из сказуемых (*размещается*) и не является детерминантом.

Операциональная суть лингвистического анализа документного текста основывается на установлении значения слова и словосочетания или определении структуры синтаксической конструкции с выявлением зависимости ее частей.

Однако в ряде случаев, касающихся индивидуальных документов (заявлений, расписок, докладных записок), эксперт не может не принимать во внимание коммуникативную ситуацию, жанровые признаки документа и типы используемых в нем речевых актов. Например, для исследования было предоставлено заявление, в котором содержалась следующая формулировка: *Настоящим заявляю о своем желании выхода из ООО N*. Перед экспертом поставлен вопрос о том, синонимичны ли словосочетания *заявляю о желании*

выхода и заявляю о выходе. Фраза *заявляю о желании выхода* реализует модальное значение желательности, заключающееся в волевой направленности субъекта к совершению действия, которое представлено как потенциальное; перформативная же формула *заявляю о выходе* эксплицирует действие, мыслимое как реальное, совершаемое в момент речи. Такие структурные и прагматические отличия не позволяют считать данные выражения синонимичными. Приведенный пример свидетельствует о важности изучения проблемы модальных значений в тексте документа. Практика лингвистической экспертизы подтверждает и необходимость выработать общие для экспертов подходы к интерпретации модальной направленности документа. Так, эксплицитно выраженная предписывающая функция резолютивной части может иметь разные модальные оттенки: деонтическая модальность обязательства, требования и запрета может сочетаться с модальным значением просьбы, разрешения. В судебной практике возникла потребность квалификации резолюции, вводимой конструкцией *Прошу рассмотреть...*, как приказа или пожелания. Решение данного вопроса приводило экспертов к разным выводам, поскольку одни из них ориентировались на семантику глагола и выражаемые конструкцией модальные значения, а другие учитывали рамочные требования, предъявляемые к жанру резолюции.

Высокий уровень унификации документного текста предполагает, что в ходе работы специалист или эксперт относит исследуемый текст к той или иной жанровой форме, выявляет языковые особенности, свойственные видовому классу документов, и рассматривает те языковые черты, которые не определяются аналогами и характеризуют только исследуемый им документ. Следовательно, в основе проведения экспертизы документного текста лежит система приемов сопоставления, что согласуется с выделенным М.В. Косовой признаком системности документного текста, предполагающим «его обязательную связанность с другими документными текстами, включенными в определенную группу (систему) коммуникации» [2, с. 8].

В отдельных случаях сопоставление документов для установления их тождества или

различий становится целью проведения лингвистической экспертизы. Для решения задач автороведческой судебной экспертизы, когда перед экспертом ставится вопрос о том, составлены ли документы одним лицом или разными лицами, осуществляется специальное идентификационное исследование, например, в соответствии с методикой, разработанной С.М. Вулом [1].

Очевидно, что официально-деловой текст не в такой степени отражает идиостиль автора, как, например, публицистический или художественный, в силу его ориентации на стандарт, шаблон, устойчивые лексические и синтаксические клише, закреплённую композицию многих жанров документной коммуникации. Тем не менее специалисты в области документной лингвистики полагают возможным говорить о комплексной документной модели личности: «Комплексный характер этой модели предполагает исследование лингвистических сторон документов, состав таких документов и особенности их взаимосвязи. На основе этих документов может быть построена часть **тезауруса личности**, являющегося коммуникативно-документной моделью личности» [3, с. 39].

Материалом автороведческой экспертизы становились тексты судебных решений, договоров и актов приёма работ, индивидуально-авторские признаки которых обнаруживаются в выборе определённых синтаксических способов представления информации и отборе лексических средств. При анализе этих документов особое внимание также уделяется их орфографическому и пунктуационному оформлению.

Документы личного характера, такие как заявления и ходатайства, характеризуются большей информативностью в плане авторства. Например, сопоставление текстов двух заявлений позволяет заметить однотипность в выборе лексических средств, использование которых связано с нарушением норм лексической сочетаемости (ср.: *ребенок остался без дома, прописки и всех вытекающих из этого проблем* и *ребенок не имеет прописки и всех вытекающих из этого проблем*). Яркими идентификационными признаками документного текста становятся вкрапления иноstileвых элементов, разговорный

«субстрат» (например, слова *липовый, подставленный*, использованные для характеристики фальсифицированных справок). Элементы высокого стиля речи, направленные на создание возвышенной тональности текста, также служат ярким идентификационным показателем авторства (например, конструкции, оформленные как приложения: *у него, государева служащего; вы, ученые мужи*).

Трудности в автороведческом исследовании частных документов обусловлены незначительным объёмом текстов, ограничивающим возможности применения статистических методов. Именно поэтому особое внимание при рассмотрении таких текстов уделяется не только характеристике языковых средств, но и композиционному и графическому оформлению текста (написанию даты, времени, препозитивному или постпозитивному расположению фамилии относительно имени и отчества, использованию аббревиатур, написанию марок автомобилей, например, таким устойчивым написаниям, как *«Нива-Шевроле», «Ниссан-Альмера»*). Индивидуализирующей характеристикой дискурсивного мышления автора документного текста является композиционное построение, особенности логических и текстовых связей между сверхфразовыми единствами, правила рубрикации, выбор заголовков и подзаголовков. Фатическая составляющая документных текстов, в частности специфика обращений и заключительных фраз, также может стать идиостилевой чертой документного текста.

Практика показывает, что эксперт не всегда приходит к категорическому выводу, так как выявленная в результате анализа совокупность идентификационных признаков может быть обусловлена сложившейся в организации практикой составления документов, носить не индивидуальный, а групповой, коллективный, свойственный определённому профессиональному сообществу, характер. Деловая переписка и личные документы (заявления, обращения, жалобы) обладают свойствами, связанными с эмоциональной стороной коммуникации, а следовательно, менее формализуемыми, что даёт эксперту возможность обнаруживать большее количество индивидуально-авторских признаков. Если в результате проведенного исследования выявляется совокупность идентификационных

признаков, близкая к индивидуальной, но все же недостаточная для того, чтобы прийти к категорическому выводу об авторстве текста, то эксперт делает вероятный вывод.

Таким образом, документный текст, становящийся объектом судебной лингвистической и автороведческой экспертизы, находится на пересечении правовой и лингвистической сфер. Значимость информационной составляющей в жизни современного общества, расширение состава документных текстов определяют необходимость обобщения экспертной практики, связанной с анализом документной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вул, С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза. Методические основы / С. М. Вул. – Харьков : ХНИИСЭ, 2007. – 130 с.
2. Косова, М. В. Системность как свойство документного текста / М. В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 7–11. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2012.1.1>.

3. Кушнерук, С. П. Документная лингвистика / С. П. Кушнерук. – М. : Флинта-Наука, 2011. – 256 с.
4. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
5. Эпштейн, М. Критика предлога «до» / М. Эпштейн. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200906/29070544.html> (дата обращения: 20.01.2016). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Vul S.M. *Sudebno-avtorovedcheskaya identifikatsionnaya ekspertiza. Metodicheskie osnovy* [Judicial Authorship Identification Examination. Methodical Foundations]. Kharkov, KhNIIE Publ., 2007. 130 p.
2. Kosova M.V. Sistemnost kak svoystvo dokumentnogo teksta [System as Characteristic of Document Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2012, no. 1 (15), pp. 7-11. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2012.1.1>.
3. Kushneruk S.P. *Dokumentnaya lingvistika* [Document Linguistics]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2011. 256 p.
4. Shvedova N.Yu., ed. *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 2* [Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 710 p.
5. Epshteyn M. *Kritika predloga "do"* [Criticism of the Preposition "Before" ("Do")]. Available at: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200906/29070544.html>. (accessed January 20, 2016).

DOCUMENT TEXT AS AN OBJECT OF JUDICIAL LINGUISTIC AND AUTHORSHIP EXAMINATION

Anna Mikhaylovna Plotnikova

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics,
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Eltsin
Prosp. Lenina, 51, 620083 Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article studies the problems of interpretation of a document text involved in judicial conflict. The author characterizes possibilities of semantic and syntactic analysis of the document, as judicial linguistic examination of the document is based on determining the extent and content of the notion expressed by a word or a word combination, used in the text. The difficulty and interpretation discrepancy are caused by function of words (prepositions and conjunctions), which nuances of meaning are not always consistently reflected in dictionaries and grammar books. Syntactic analysis is based on characterization of a syntactic construction structure with identification of its parts dependence. It is shown that in order to ascertain the understanding of the document text in a number of cases semantic and syntactic analysis

must be supplemented by communicative and pragmatic analysis, as the authors intention in documents, especially private ones, can be expressed implicitly. Special consideration is given in the article to collisions between judicial and linguistic understanding of correct interpretation of a document text. Reasons that impede the use of identification methods underlying authorship examination: high level of formalization and the presence of consistent genre and typological characteristics of a document text are described. Possibilities to solve the question if documents were drawn by one person or different persons are shown with the use of examples from judicial practice.

Key words: document text, linguistic examination, authorship examination, semantics, pragmatics.